

© 2004 г. И. Ф. РАГОЗИНА

**О ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕ-ОПРОВЕРЖЕНИИ В РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ
ВЫСКАЗЫВАНИЯХ
(ОПЫТ КОНТРАСТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

В самом общем виде настоящая публикация является продолжением разговора о том виде отрицательного суждения-высказывания, которое, как указывает Н. Д. Арутюнова, будучи “стимулировано ошибочным суждением, ложью, искаженным представлением о положении дел, выполняет задачу восстановить порядок и истину в мире мыслей. Для него характерен контекст диалога, спора, дебатов” [Арутюнова 1988: 31]. Рассуждая о “феномене второй реплики” и “пользе спора”, Н. Д. Арутюнова поясняет, что такого рода отрицательное высказывание характеризуется коммуникативной вторичностью, имея в качестве обязательного предтекста инициальную реплику, с которой оно связано субстанционально, т.е. через обсуждаемое положение дел в мире. Мы же, со своей стороны, предполагаем рассмотреть отрицательное суждение-предложение не только по отношению к иницирующему предтексту, но и в его ближайшем и непосредственном окружении, а именно, в рамках целостного высказывания, где отрицательное суждение выступает в роли доказываемого тезиса (Т), выводимого ‘оппонентом’ на основании некоего ‘опорного’ факта-аргумента (А).

О том, какие разнообразны формы способна принимать опровергающая реплика может свидетельствовать следующий ряд элементарных примеров. Представим себе простейший диалог, в котором один собеседник декларирует или предполагает, что у кого-то грипп, тогда как его оппонент более или менее энергично опровергает это заявление или предположение, опираясь на один и тот же факт. Вот какие формы может приобретать опровергающая реплика :

- 1а) *Если/раз нет температуры (А), то (значит) и гриппа нет (Т)*
- 1б) *У него температура невысокая (А), значит у него не грипп (Т)*
- 1в) *То что у ребенка такая незначительная температура (А), доказывает что у него не грипп (Т).*
- 2а) *Значит у него не грипп (Т), если температура нормальная (А).*
- 2б) *У него нет никакого гриппа (Т), раз = поскольку нет температуры (А)*
- 2в) *Какой у ребенка (может быть) грипп (Т), когда и температуры-то настоящей нет? (А)*

С первого взгляда видно, что, несмотря на все разнообразие поверхностной реализации – неоднородность связующих элементов, наличие/отсутствие отрицательной частицы, употребление глагола *доказывать*, а также глагол *мочь*, фигурирующий в рамках риторического вопроса, – все эти высказывания объединяет не только общность смыслового содержания. Дело в том, что, хотя диспозиция аргумента и тезиса может быть разной – сначала Т, потом А и наоборот, – тезис во всех примерах соответствует причине, а аргумент – следствию. В связи с этим, мы выдвигаем гипотезу, в соответствии с которой, все эти столь разные по форме высказывания имеют в своей основе один и тот же логический механизм в виде одной, определенной модели умозаключения заполняющей схему доказательства-опровержения. В связи с этим, наша исследовательская задача будет состоять в том, чтобы, во-первых, выявить соответствующую логическую модель, во-вторых, использовать эту модель в качестве

глубинной основы для построения системы синтаксической деривации, куда заявленные примеры войдут в качестве “облегченных” образцов для более сложных высказываний, найденных нами в художественной литературе. Представляется, что именно в ходе такого моделирования могут получить свое объяснение и те структурные различия, о которых мы упомянули выше. Исследование будет осуществляться на двух переводческих параллелях (русский-французский и французский-русский), что покажет сходства и различия в средствах реализации доказательства-опровержения в обоих языках. В качестве иллюстративного материала мы взяли отрывки из произведений Достоевского и его французских “собратьев по разуму” (Гюго, Бальзак, Камю и Сартр), которые, как и все моралисты, в совершенно равной степени тяготеют к доказательству и дедукции. Соответственно, наше дальнейшее изложение будет включать раздел, посвященный логике (1), лингвистическое обоснование (2), анализ литературных примеров (3) и заключительную часть, где будут обобщены основные наблюдения относительно значения и функционирования языковых форм и структур.

1. Логическое обоснование

Говоря об опровержении, нельзя не отметить тот факт, что традиционная логика, как, впрочем, и риторика не выделяют его из общей теории доказательства. Указывается лишь, что, с формальной точки зрения, доказательство вообще есть лишь обеспечение истинности некоего тезиса Т на основании истинного аргумента А. Аргумент еще называется доводом, который, в соответствии с законом достаточного основания, обеспечивает верификацию или фальсификацию тезиса или, проще говоря, подтверждение или опровержение того положения, которое служит объектом обсуждения (спора). Соответственно, всякое доказательство имеет формулу: Если А, то Т, хотя порядок следования компонентов доказательства может быть и инвертирован: Т, так как / поскольку А. Каков же тот логический механизм, который обеспечивает выведение тезиса из аргумента так, что тезис соответствует причине, а аргумент – следствию? Хотя логика доказательства ничего не говорит по этому поводу, мы попытаемся доказать, что этот механизм есть не что иное, как одна из форм классической дедукции по формуле отрицающего модуса условно-категорического силлогизма (*modus tollens*), который, в сущности, специально предназначен для опровержения. Так, силлогизм этого модуса состоит из большей посылки, сформулированной как условное суждение ($p \rightarrow q$), где в качестве основания выступает некая причина, порождающая свое следствие, меньшей посылки, где это следствие отрицается ($\neg q$), и заключения, в котором отрицается причина, связанная с этим следствием ($\neg p$). Например: *Если дождь (p), то лужи (q); нет луж (не q); стало быть, нет и дождя (не p)*.

Однако, как утверждают некоторые логики, психологически логический процесс начинается с меньшей посылки, т.е. констатации “небытия следствия”, затем это эмпирическое знание соединяется с опосредствующим знанием (большая посылка), присутствующим в сознании мыслящего субъекта, чтобы произвести в конечном итоге заключение о “небытии причины” [Рутковский 1888: 25–27]. В исследованиях по искусственному интеллекту логический “ход” от следствия к причине называется (заметьте, совершенно нестрого, ибо в логике такой формы не отмечается) “каузальным умозаключением”, а оно, как и прочие “концептуальные умозаключения”, квалифицируется как естественный механизм переработки информации, органично встроенный в концептуальную память и действующий естественно и совершенно автоматически [Шенк 1980: 177]. Концептуальная память может быть уподоблена автоматизированному устройству по переработке знаний, куда в качестве информации “на входе” поступает некий факт, воспринятый визуально или аудитивно, а “на выходе” оказывается заключение, выводимое из этого факта с привлечением тех знаний, которые хранятся в памяти субъекта речемышля в готовом виде и которые являются общими для всех членов культурного и языкового сообщества [Шенк 1980: 177]. Думается, что

“машинная метафора” может оказаться весьма полезной для суммирования конечных результатов нашего исследования.

Вернувшись же собственно к *modus tollens*, отметим, что, хотя в сознании субъекта весь силлогизм “прокручивается” полностью, высказывание, содержащее умозаключение, как правило, не включает в себя – за тривиальностью – обосновывающее знание (большая посылка силлогизма, он же стереотип, или топос, как в риторике). Это опосредующее логическое звено, тем не менее, неизменно присутствует во “внутри-тексте”, откуда оно легко может быть извлечено и вербализовано, если это необходимо в целях реконструкции. Поэтому подставим в формулу доказательства не три, а две части отрицающего умозаключения (меньшая посылка и заключение): Если **A (=не q)**, то **T (= не p)**. Получилась формула контрапозиции, т.е. преобразованной исходной импликация с инверсией (отрицанием в частях) и конверсией, иначе говоря, с перестановкой основания и следствия относительно коннекторов, образующих союзную рамку, которая замыкает обе части контрапозитивного высказывания. Эту же контрапозицию можно подставить и в другую формулу доказательства, с другим порядком следования тезиса и аргумента и, соответственно, с другой синтаксической “упаковкой”: **T (=не p)**, так как / поскольку **A (= не q)**. Можно уже сказать, что здесь мы сконструировали две исходные, ядерные структуры, вполне пригодные для построения двух синтаксических парадигм. Такое построение мы уже, в сущности, начали, определенным образом сгруппировав наши исходные примеры [1а) – в) и 2а) – в)]. Но прежде чем переходить к анализу литературных примеров и синтаксическому моделированию, попробуем объединить в единый комплекс те положения, которые могут составить если не историю вопроса – анализ форм доказательства по модели контрапозиции еще не являлся объектом лингвистических изысканий, – то, во всяком случае, необходимую теоретическую базу, на которую мы могли бы опереться в ходе исследования.

2. Лингвистическое “обеспечение”

Собственно проблеме соотношения форм мысли и форм естественного языка посвящена весьма обширная литература, вплоть до прямых поисков силлогизмов разных фигур и модусов в высказываниях и текстах и попыток привязать соответствующие формы мысли к определенным союзам в русском, французском, немецком и английском языках (подробности и библиографию см. в [Кривонос 1996], где суммированы все основные работы этого направления). Именно в этих работах мы позаимствовали в свое время такие полезные идеи, как восстановление имплицитной большей посылки для моделирования всей структуры умозаключения, а также способы изменения качества суждения (положительное на отрицательное и наоборот). Но при этом мы не можем не отметить, что приводимые примеры даны вне всякого коммуникативно-прагматического контекста: не учитываются ни условия коммуникации, ни цели высказывания, а значит, и игнорируются такие типы дискурса, как объяснение, доказательство, обоснование, хотя последние уже довольно давно привлекают исследовательский интерес (см. о об этом, например, в [Каузальность 1993]). Возможно, именно по этой причине и не возникает потребность различать два вида каузальности: фактическую (причина – следствие) и логическую (посылка – заключение), а это приводит к тому, что силлогизм нередко усматривается там, где имеется лишь связь ситуаций, из которых вторая просто привлекается говорящим для объяснения первой, что и выражается в употреблении причинного союза. Так, например, в предложении *Он говорил зычно, так как был туговат на ухо* усматривается следующее умозаключение: “Большая посылка (восстановленная): Все туговатые на ухо говорят зычным голосом. Меньшая посылка: Он был туговат на ухо. Заключение: Он говорил зычно” [Кривонос 1996: 415]. Спрашивается, как в качестве выводного суждения-заключения мог оказаться эмпирический факт (*Он говорил зычно*), явно воспринятый соответствующими органами чувств, и почему не считать его просто следствием, или результатом другого факта (*Он туговат на ухо*), информация о котором содержится в придаточном с причинным союзом? Понятно, что, стоя на “фор-

мально-логических позициях” [Кривоносов 1996: 415], на эти вопросы ответить невозможно

Ближе всего, как нам представляется, к проблеме выражения умозаключения в высказываниях естественного языка подошли – хотя и не ставили перед собой таких специальных целей – исследования, посвященные синтаксису предложения и, особенно, анализу связующих средств, их значения и употребления. Чрезвычайно поучительными в этом отношении нам представляются следующие замечания: “Характерным свойством конструкций, образованных по схеме *если...то* является семантическая конверсия, т.е. перераспределение коммуникативных ролей в отношении обусловленности, где часть конструкции, оформляемая *если*, фактически содержит информацию не об условии, а реальном следствии того, о чем говорится в последней части. Ср. *Если (основание), то (следствие)* и *Если (следствие), то (основание)*... По сути дела *если...то* воспроизводит схему: тезис – основание тезиса. ...При этом происходит нейтрализация доминантной семы значения *если*, ибо информация, заключенная в этой части конструкции, не может быть гипотезой, т.к. призвана выступать в качестве аргумента, мотивирующего вывод, и представляет собой реальный факт. Отсутствие доминантной семы можно проверить путем замены *если* на *раз*” [Ляпон 1986: 119–120] Отмечая случаи неоднозначного толкования содержания предложения, вводимого *если* (гипотеза или установленный факт), М.В. Ляпон предлагает разрешать сомнения при помощи присовокупления к *если* некоторых частиц и прежде всего *уж*, что окончательно решает вопрос в пользу фактичности компонента. Ученый также обращает внимание на особую роль лексемы *значит*, которая, сочетаясь с союзом *то*, “указывает на вывод, умозаключение” [Ляпон 1986: 122]. И пример: “Если мы его исключаем, то, значит, считаем его неисправимым”. В изложенной концепции нам импонирует не только прямое указание на конверсию, осуществляемую в рамках доказательства, но и фактическое признание рамочного характера союзного оформления, где *если* рассматривается не в отдельности, а в паре с другим союзом (*то* или *то значит*), что соответствует бинарной структуре доказательства. Практически перед нами – за вычетом отрицаний в частях – описание первой из сконструированных нами моделей доказательства. Последовав же логике автора и заменив *если* на *раз*, мы получим еще одну “упаковку” для доказательства (А–Т): ‘Раз мы его исключаем (следствие, оно же факт-аргумент), то, значит, считаем его неисправимым (заключение-причина)’.

Что касается второго элемента союзной рамки и, прежде всего, союза *значит*, то существуют разные мнения относительно его роли как показателя умозаключения. Так, в например, в [Урысон 2001: 56] главная “ответственность” за организацию умозаключения возлагается на союз *если*, в семном составе которого, среди прочих, даже выделяется особый компонент “если умозаключения”. На основании того, что “рокировка условия и следствия” (в нашей терминологии – “конверсия”) не связана с союзом *значит* – что и позволяет вывести его из предложения – этому союзу отказывается в функции (главного) показателя умозаключения. Такое понимание противоречит, по мысли автора, мнению тех исследователей, которые, наоборот, считают *значит* главным маркером умозаключения, а союз *если* – реализующим свое собственное значение. Нам все-таки представляется предпочтительней концепция рамочной союзной структуры, где каждый из союзов маркирует свою часть умозаключения, что же до конверсии, то она обусловлена спецификой восприятия и переработки информации (ср “каузальное умозаключение”), а не постановкой того или иного союза.

Однако, если говорить о маркировке факта-аргумента, то “живой” язык (в отличие от логической формулы) явно предпочитает оперировать союзом *раз*, функционально эквивалентным *если*, но исключающим всякую неоднозначность (только факт, а никак не гипотеза). Во французской же лингвистической традиции издавна принято считать союзную систему *puisque... c'est (donc) que* (полный аналог *раз . то, (значит)*) обычным способом выражения умозаключения, где *puisque* вводит аргумент, а оборот *c'est que* – тезис, при этом *c'est que* так же легко соединяется с *donc*, как и *то* со *значит* [Brunot 1965; Sandfeld 1936; Laurian 1966; Hanse 1973; Robert 1986]. Впрочем, и дру-

гим союзам не отказано в способности сигнализировать о наличии факта-аргумента. так, в следующем примере мы наблюдаем союз *si*, участвующий, кстати сказать, в выражении самой настоящей контрапозиции: *Comment pourrait-il faire des économies (T) s'il gagne tout juste de quoi vivre (A)?* Кроме *puisque*. . *c'est que* для маркировки частей умозаключения используется целый ряд союзных рамочных конструкций: *du moment que... c'est (donc) que, comme. . c'est que, si .. c'est que* [Sandfeld 1936 328] Считается также, что и временные союзы *quand, lorsque* способны играть в предложении ту же роль, что и *puisque*: *Moi prodigue? Quand je ne mets plus de cognac dans mon café!* [Там же: 359–360]. Если этот пример перевести и расставить символы, то получится: 'Это я-то мот? (= я не мот) (Т). Да я уж и коньяк в кофе не добавляю! (А)'

Однако есть мнение, что главное в умозаключении – это не столько союзы, сколько, прежде всего, особые смысловые отношения соединяемых компонентов. Так, указывается, что в предложении *Pierre a le sourire, donc il est reçu à son examen* второй факт есть фактическая причина первого, но он же является его следствием в логическом, дедуктивном порядке. Ср. *Je pense qu'il est reçu parce que je le vois sourire*. По сути дела, эти вставленные предложения дают характеристику тех сущностей, которые обозначаются соединяемыми компонентами; так, *je vois* указывает, что речь идет об эмпирическом факте, а *je pense* маркирует заключение, выведенное на основе этого факта. Но связующий элемент здесь все-таки наличествует: это союз *donc* (= *следовательно, значит*), хотя его присутствие не сопровождается в источнике никакими комментариями. Тем не менее представляется, что такое, явно спонтанное, употребление этого элемента как раз и свидетельствует о том, что само понятие умозаключения совершенно естественно ассоциируется именно с *donc* – “живым” сигналом завершившегося выводного процесса. К нему, впрочем, можно добавить все остальные составные части союзной рамки и получать, если не контрапозицию, то конверсию по формуле А–Т: '*Puisque / si / du moment que Pierre a le sourire (A), c'est donc qu'il est reçu à l'examen (T)*'.

Но это разнообразие союзных элементов никоим образом не отменяет то всеми признаваемое положение, что, если французу надо не просто сделать вывод, а что-либо (кому-либо) доказать, он употребит именно союз *puisque* (= *раз*); последний природой своей предназначен оформлять самый “железный” аргумент, ибо вводит компонент с ассертивным статусом пресуппозиции, что как раз и соответствует факту [Иорданская 1988; Iordanskaja 1993]. Мы же, характеризуя денотативную природу компонентов, обозначающих части нашего логического “бинома”, будем оперировать такой парой классификаторов, как 'факт – пропозиция (= суждение)'; это поможет нам демаркировать два столь разных – по способу получения – “интеллектуальных инструмента” эмпирическое и выводное знание. И хотя в лингвистике и факт, и пропозицию принято относить к одному – интенциональному, логическому пространству (см. об этом в [Арутюнова 1988; 1999]), мы будем рассматривать факт как единицу экстенционального аспекта, как информацию о “кванте” мирового “потoka”, воспринимаемую рефлектирующим субъектом

3. Анализ литературных примеров

Теперь же, когда учтены все исследовательские параметры – коммуникативно-прагматический, логико-семантический, структурно-синтаксический и референциальный – можно приступать к анализу литературных примеров, в полном соответствии с двумя формулами опровержения, реализующими каждая свою коммуникативную программу и располагающими собственным рядом “серийных” примеров.

Опровержение по формуле Если А (= не q), то Т (= не p) (первая коммуникативная программа).

Серию примеров типа 1а) мы начнем фрагментом разговора (“Преступление и наказание”), в котором обсуждается вопрос о том, позволительно ли лишить жизни одно ничтожное и зловерное существо; один собеседник склоняется к положительному

решению этого вопроса (*Я для справедливости*), его оппонент опровергает его мнение как ошибочное.

1) *..убьешь ты сам старуху или нет? – Разумеется, нет. Я для справедливости – А, по-моему, коль ты сам не решаешься (А), так нет тут никакой и справедливости (Т):* француз *dis-moi seulement ceci: tueras-tu toi-même cette vieille ou non? – Non, naturellement. Je me place ici au point de vue de la justice . – Et bien, à mon avis, puisque toi-même tu ne te décides pas à la tuer (А), c'est que la chose ne serait pas juste (Т).*

Здесь эмпирический факт – это признание одного из собеседников в том, что лично он убийство совершать не намерен, подхваченное “на лету” его оппонентом. Полученная информация наверняка ассоциируется у него с представлением о том, что осознание справедливости дела есть если не причина, то необходимое условие (р) для того, чтобы возникло намерение совершить столь решительный поступок (q). И, коль скоро такое намерение не сформировалось (А), рассуждает оппонент, то и справедливость дела должна быть отрицаема (Т). Итак, перед нами действительно опровержение в форме контрапозиции: “(если/раз) ты не решаешься (А = не q), то дело это несправедливое (Т = не р)”. Поверхностные показатели контрапозиции все в наличии: это и отрицательные частицы, и полная союзная рамка, только отрицаемое следствие (аргумент) в оригинале оформляется союзом *коли*, который может быть полным эквивалентом как коннектору *если*, так и союзу *раз*; вместо союзного элемента *то*, оформляющего тезис, используется его разговорный вариант *так*. Французский же переводчик употребляет “стандартную” союзную рамку, где аргумент отмечен союзом *puisque*, а тезис – оборотом *c'est que*.

Синтаксические модели: А (*коль* – 1-я часть) – Т (*так* – 2-я часть) и А (*puisque* – 1-я часть) – Т (*c'est que* – 2-я часть).

Следующий отрывок представляет собой образец своеобразного сотворчества переводчика с автором, когда первый смело разнообразит синтаксис оригинала, заменяя одну структуру на другую. И хотя такое варьирование осуществляется на материале разных языков, один такой “совместный” текст (оригинал-перевод) можно рассматривать, как содержащий два, а иногда даже более примеров, что позволяет охватить возможно большее число случаев, пользуясь материалом сравнительно малого объема. Именно таким “совместным” текстом и представляется фрагмент спора из пьесы Сартра “Дьявол и господин Бог”, где один спорщик утверждает, что не виноват в поражении крестьян в их войне против баронов (*Я не хотел этой войны*), а его оппонент, по сути дела, обвиняет его в нем.

2) *Nasty: Je ne voulais pas cette guerre. Karl: Ça se peut, mais puisque tu n'as pas su l'empêcher (А), c'est que Dieu n'était pas avec toi (Т) (Sartre);* русск.: *Насти: Но я не хотел этой войны. Карл: Возможно, но ты не смог ей помешать (А), – значит, Бог был не на твоей стороне (Т)*

Здесь на основании констатируемой неудачи предпринятой деятельности (не сумел помешать войне) дедуцируется заключение об отсутствии того необходимого условия (Бог помогает только правому делу), без которого всякое действие обречено на провал, а неудачник оказывается сам во всем виноват. Контрапозиция: “Если / раз ты не смог помешать этой войне (А = не q), то Бог был не на твоей стороне (Т = не р)”. И если французский оригинал являет собой вполне “классическое” структурное оформление контрапозиции [ср. 1а)], то в переводе мы наблюдаем ту же контрапозицию, но уже реализованную по типу 1б): так, переводчик “потерял” первую часть союзной рамки (*у puisque* нет в тексте эквивалента), но зато подчеркнул дедуктивный “момент” союзом *значит*, потенциально присутствующим в ядерной схеме контрапозиции, а значит, и в памяти переводчика. Ср. также и наш “обратный” перевод: *‘Tu n'as pas su l'empêcher (А), donc Dieu n'était pas avec toi (Т)’*

Этот текст содержит в себе и некое лексическое осложнение: глагол *savoir* в отрицательной перфектной форме передан русской формой *не смог* (букв. ‘не сумел’). В логическом представлении у нас фигурирует предикативная синтагма целиком, хотя фактически значимая информация репрезентирована не модальным, а основным гла-

голом, и поэтому *не смог помешать* означает 'не помешал', плюс такой, например дополнительный смысл, как 'субъект прилагал усилия к совершению действия но эти усилия не привели к желаемому результату' [Теория 1990: 129], или с уточнением: "он не смог (а тем более, "не сумел", когда речь идет о контролируемых действиях), = выбрал, пытался, но какие-то не зависящие от него обстоятельства помешали" [Шатуновский 1996: 212]

Синтаксические модели: 1) А (*puisque* – 1-я часть) – Т (*c'est que* – 2-я часть); 2) А (бессоюзная 1-я часть) – Т (*значит / donc* – 2-я часть)

Примеры типа 1в) показывают, что о наличии контрапозиции в рамках первой коммуникативной программы способны сигнализировать не только союзы, но и некоторые лексические элементы. Речь пойдет о глаголе *доказывать* (франц. *prouver*), о котором мы скажем сразу, что он служит целям выражения контрапозиции только в сочетании со словом *факт* (франц. *le fait*), а не тогда, когда он, как было отмечено в [Гловинская 1993], употребляется при агентивном субъекте, выступая, таким образом в качестве предиката ментального воздействия. Для иллюстрации приведем "совместный" текст, где глагол *prouver* появляется в переводе.

3) *Если уж начал себя спрашивать и расспрашивать имею ли права власть иметь?* (A1) – *то, стало быть, не имею право власть иметь* (T1) *..если задаю вопрос: вошь ли человек?* (A2) *то, стало быть, уж не вошь человек для меня* (T2), *а вошь лишь только для того, кто прямо без вопросов идет* *Если уж я столько дней промучился: пошел бы Наполеон или нет?* (A3) *так ведь я уже ясно чувствовал, что я не Наполеон* (T3); франц. *...le fait même de m'interroger sur mon drou à la puissance* (A1) *prouvait qu'il n'existait pas* (T1). *...si je me demandais: l'homme est-il une vermine?* (A2) *c'est qu'il n'en est pas une pour moi* (T2) *.. Le fait même de me demander. Napoléon aurait-il tué la vieille?* (A3) *suffirait à prouver que je n'étais pas un Napoleon* (T3).

В принципе, в каждой из трех фраз субъект (Раскольников), полемизируя сам с собой, опровергает одно и то же заблуждение, а именно, собственные иллюзии относительно своей "силы" и "права на власть", привлекая, так сказать, результаты самонаблюдения. При этом он опирается на им же самим изобретенную закономерность, в соответствии с которой, если человек из числа "наполеонов" (необходимое условие), то он всегда в себе уверен и без колебаний осуществляет задуманное (следствие). И хотя ни один из аргументов не содержит в поверхностной структуре никаких показателей отрицания, общий отрицательный смысл угадывается из совокупного лексического состава действительно, только неуверенный в себе человек (= не обладающий должной силой духа), сомневаясь в собственной правоте, задает себе вопросы и колеблется в оценках. Это значит, что общую для всего текста контрапозицию можно было бы сформулировать так 'Если я ни в чем не уверен (не q), то я не "наполеон", не имею права на власть и пр. (не p)'. В тексте же автор оперирует тремя контрапозициями и при этом не просто использует каноническую союзную рамку, но разнообразит ее риторическими добавлениями: пресуппозитивно нагруженная частица *уж* придает аргументу-факту особую "зримость", а тезис-пропозиция здесь оформляется (помимо частицы *то*) союзными сочетаниями *стало быть* и *так ведь*, вполне равноценными привычному *значит*.

Французский переводчик, желая, может быть, несколько форсировать демонстративность опровержения, а может быть, просто чтобы избежать повторения, дважды заменяет союзный "тандем" лексической рамочной конструкцией: *le fait même. prouve que* (= *тот самый факт = уже сам факт. . доказывает, что*) В переводе помимо глагола *prouver* и существительного *fait* также фигурируют риторические усилители: это местоименное прилагательное *même* и, особенно, глагол *suffire*, буквально передающий самодостаточный характер аргумента. Союзную же рамку *si. . c'est que* как точный эквивалент русской конструкции, он употребил только один раз и к тому же "вычел" из нее следственный союз, сочтя, очевидно, его употребление избыточным. В итоге получаем лексикализированный вариант модели контрапозиции, которую мы представим в одном ряду с союзными структурами. А раз это опровержение

содержит в себе контрапозицию по первой формуле, то, при сильном упрощении, весь текст можно было бы свести к одной структуре типа 16): 'Я в себе не уверен (А), **значит**, я не "наполеон" (Т)', а также 'Je ne suis pas sûr de moi-même (А), **donc** je ne suis pas un Napoléon (Т)'.
Синтаксические модели: 'А1 (если уж – 1-я часть) – Т1 (то – 2-я часть); А2 (если – 1-я часть) – Т2 (то, стало быть – 2-я часть); А3 (если уж – 1-я часть) – Т3 (так ведь – 2-я часть) и А1 (Le fait que... – 1-я часть) – Т1 (prouve que – 2-я часть); А2 (Si – 1-я часть) – Т2 (c'est que – 2-я часть); А3 (Le fait même que – 1-я часть) – Т3 (suffirait à prouver que... – 2-я часть)'. А также (русский эквивалент): 'А (Тот факт, что... – 1-я часть) – Т (доказывает, что... – 2-я часть)'. Трансформация: 'А (бессоюзная 1-я часть) – Т (значит / donc – 2-я часть)'.
Необходимо отметить, что наряду со случаями опровержения–отрицания, которое является преобладающим, в рамках этой же коммуникативной программы может реализоваться и другой тип опровержения, а именно – опровержение–утверждение, когда иницирующая реплика является отрицательной, а опровергающая – положительной. Но только во французском языке такого рода опровержение располагает собственным инструментом в виде частицы *si*. Ср.: "Он не болен. – Да нет, он болен. Il n'est pas malade. – Si, il est malade!". Именно таким образом отец Тихон ("Бесы") возражает Ставрогину в ответ на его признания в безверии.

4) Если веруете, что можете простить самим себе и страданием сего прощения в сем мире достигнуть (А), то вы во все веруете (Т)! ...Как же вы сказали, что вы в Бога не веруете!': франц. *Si croyez que vous pouvez vous pardonner vous-même et que vous obtiendrez votre pardon en ce monde par la souffrance...* (А), *alors vous croyez complètement* (Т). *Comment alors avez-vous pu dire que vous ne croyez pas en Dieu?*

Специфика этого опровержения, по сравнению с прежними, состоит в том, что при наличии конверсии в нем нет отрицаний, а стало быть, и контрапозиции. Так, опорный факт-аргумент (информация, полученная со слов собеседника) несет в себе вполне положительную информацию (следствие), таковым же является и заключение о причине (=необходимом условии). Силлогизм: 'Если человек верует в Бога (р), то он верит и в возможность искупления и прощения на этом свете (q). Он верит в искупление и прощение (q). Значит, он верует в Бога (р)'. Само же опровержение–утверждение ('Нет, вы веруете!' = 'Si, vous croyez') выражено отдельно – в компоненте, имеющем форму риторического вопроса, который, хотя и содержит в себе предикативное отрицание, несет в себе положительный смысл.

Синтаксические модели: 'А (если – 1-я часть) – Т (то – 2-я часть)' и 'А (Si – 1-я часть) Т (alors – 2-я часть)'. Появление нового коннектора – *alors* (букв. тогда) – не должно удивлять, ибо он, в принципе, может выступать в значении "donc". Ср.: 'Si vous croyez que... c'est donc que vous croyez complètement'. Следует заметить также, что в переводе тезиса–пропозиции появился и глагол *pouvoir*, которого не было в оригинале, но подробно на этом явлении мы остановимся далее.

А теперь обратимся к разговору из романа "Утраченные иллюзии" Бальзака, где герой, решившийся на самоубийство, сначала декларирует свое безверие (Я безбожник), а затем показывает собеседнику то место, откуда он намерен отправиться в мир иной. На что тот ему возражает:

5) – Un autre monde? (А) ...Vous n'êtes plus athée (Т) (Balzac). – В иной мир? (А): русск. ...Ну, какой же вы безбожник! (Т).

В отличие от всех предыдущих текстов аргумент здесь представлен неполноценной коммуникативной единицей и поэтому нуждается в достраивании. Ввиду того, что в качестве опорного факта выступают пойманные на "лету" слова, то аргумент должен включать в себя какой-нибудь глагол говорения: 'Если вы произнесли такие слова, как "мир иной" (А), то, значит, вы не безбожник (Т)'. Но, однако, если заключение представляет собой отрицательное суждение, о чем можно судить по наличию предикативного отрицания *ne... plus*, в переводе замененным формой риторического вопроса без отрицания, то может возникнуть вопрос: не идет ли речь об обычном опровер-

жении-отрицании? На это можно было бы ответить, что, в соответствии с элементарными логическими правилами и просто здравым смыслом, отрицательное заключение выводимо только на основании отрицательной же посылки, а она у нас сугубо положительная. Чтобы достичь необходимого соответствия, можно попробовать изменить качество суждения иницирующей (утвердительное на отрицательное) и ответной (отрицательное на утвердительное) реплик, что оказывается вполне осуществимым, благодаря сложному взаимодействию различных видов отрицания: предикативного (отрицательные частицы), морфологического (*без-божник*), а также, в какой-то мере, и лексического (*a-thée*). Итак, мы имеем для иницирующей реплики 'Je suis athée = Je ne crois pas en Dieu', а для опровергающей 'Vous n'êtes plus athée = Vous croyez en Dieu'. В итоге получаем опровержение-утверждение: 'Je ne crois pas en Dieu – Si, vous croyez en Dieu' (Нет, вы все-таки верите в Бога). А поскольку 4) и 5) реализуют первую программу, то они также должны поддаваться трансформации по модели 1б): 4) 'Вы веруете в прощение и искупление на этом свете. значит, вы и в Бога веруете' и 5) '<Vous dites> un autre monde (A), donc vous n'êtes plus athée (T)'

Опровержение по формуле **T (= не p)**, так как / поскольку **A (= не q)** (вторая коммуникативная программа).

Серию 2а) представляет фрагмент рассуждения Хроникера из "Бесов".

б) *Признание знаменательное: стало быть, был же в нем острый ум (T1), если он тогда же на эстраде мог так ясно понять свое положение, несмотря на все свое упование (A1); и, стало быть, не было в нем острого ума (T2), если даже девять лет спустя не мог вспомнить об этом без ощущения обиды (A2): франц. Avez à retenir: si au moment même, sur l'estrade, il avait pu entrevoir clairement la vérité (A1), c'est qu'il avait effectivement une intelligence aigüe (T1). Mais elle n'était pas cependant si aigüe que cela (T2), puisque neuf ans encore, ce souvenir lui était une offense (A2).*

Этот фрагмент представляет интерес прежде всего тем, что содержит в себе два разных доказательства: утверждение (конверсия без отрицания) и опровержение (контрапозиция), когда говорящий доказывает сначала одно положение (T1), затем тут же утверждает прямо противоположное (T2). Может показаться, что рассуждающий противоречит сам себе, но на самом деле он просто пытается охарактеризовать "объект" на основании двух разных фактов: если брать за основу один случай из его жизненной практики (A1), то можно сказать, что он очень умен (T1), а если другой (точнее, речь идет о целом жизненном периоде) (A2) – то характеристика будет противоположной (T2). Выведение отрицательного тезиса, опровергающего ранее высказанное положение, происходит, скорее всего, в опоре на такой стереотип, как: 'Если человек обладает большим умом (p), он забывает обиду (q)'. Соответственно, констатируя факт отсутствия q (злопамятство вместо прощения), говорящий убеждается и в отсутствии p (большой ум). Что касается внешних показателей контрапозиции, то оригинал манифестирует некое (весьма несущественное) изменение нашей исходной формулы, которое состоит в том, что изменение коммуникативной программы (тезис перешел в препозицию), вызвало простое перемещение компонентов доказательства вместе с той частью союзной рамки, которая "привязана" к нему в рамках первой программы: вместо 'Если A, то, стало быть, T' получилось 'Стало быть, T, если A'.

Переводчик же, оставаясь в рамках основного смысла, позволяет себе значительную свободу в плане структурного варьирования, вплоть до изменения коммуникативной программы. Так, во-первых, переводя A2, он опустил модальный глагол, а во-вторых, заменил предложение с двумя отрицаниями на эквивалентную ему по смыслу положительную часть высказывания, и получилось: вместо 'он не мог вспоминать без обиды = он вспоминал с обидой' (= *était pour lui une offense*). Кстати сказать, это отсутствие эквивалента глагола *мочь* в тексте перевода подтверждает уже сделанные нами выше наблюдения относительно того, что информация о факте как таковом (т.е. собственно следствие) находится в основном предикате, а модальный глагол лишь привносит дополнительный нюанс приложенных, но неудавшихся стараний: 'хотел забыть, но не смог'. Кроме того, переводчик считал себя в праве внести некоторое разно-

образе в несколько монотонные структурные построения Достоевского, а именно, использовать для доказательства-подтверждения первую схему доказательства (*si... c'est que*), а для опровержения – вторую, удовольствовавшись в качестве коннектора одним *puisque*, маркирующим аргумент.

Синтаксические модели: 'Т (*стало быть* – 1-я часть) – А (*если* – 2-я часть) (утверждение и опровержение); и А (*si* – 1-я часть) – Т (*c'est que* – 2-я часть) (утверждение); Т (бессоюзная 1-я часть) – А (*puisque* – 2-я часть) (опровержение)'.

Серию 2б), которая уже была нами начата фрагментом предыдущего перевода (аргумент, вводимый *puisque*), мы продолжим отрывком одного из стихотворений Гюго серии "Contemplation" (цит. по [Robert 1986, t. 7: 897]).

Т) *J'ai bien assez vécu* (Т), *puisque dans mes douleurs Je marche sans trouver de bras qui me secourent* (А1), *Puisque je ris à peine aux enfants qui m'entourent* (А2), *Puisque je ne suis plus réjoui pour les fleurs* (А3).

В этих нескольких строках поэт, отзываясь на какие-то свои прежние мысли, отзывается себе в смысле дальнейшего существования (Т), мотивируя этот печальный вывод отсутствием всего того, что было дорого ему прежде (А1, А2, А3), и что составляет, с точки зрения автора, нормальные проявления желания жить. Примечательно, что Robert, очевидно, чтобы подчеркнуть особую фактичность компонентов, вводимых *puisque*, отмечает, что последний здесь оказывается полным эквивалентом сочетания *du moment que*, которое, добавим, при всей своей десемантизованности, еще вполне способно осуществлять референциальную "зацепку" высказывания за мир: 'С того (возможно, вполне определенного) момента, как...' Отметим также, что почти все части рассуждения, кроме А3, не содержат в себе показателей предикативного отрицания, а выражают его лексически в сочетании с соответствующими глаголами: наречие *assez (vécu)* (Т), предлог *sans* (А1), наречие *à peine* (А2). Впрочем, в переводе имплицитное отрицание может быть выражено эксплицитно, таким, например, образом: *Довольно пожил я (= жить больше ни к чему), коль дружеские руки меня уж не поддерживают в горе, Коль дети, что резвятся вокруг меня, моей улыбки уж не вызывают боле, Когда цветы не радуют души.*

Синтаксическая модель: 'Т (бессоюзная 1-я часть) – А (*puisque / du moment que* – 2-я часть)'.

Теперь мы опять обратимся к тем фрагментам, в которых есть риторический вопрос, но сначала вернемся к исходному 2в), выделив в нем две структурные модификации; это будет 2в' (риторический вопрос без модального элемента) и 2 в'' (модальный элемент в составе тезиса с риторическим вопросом или без такового).

Продемонстрируем серию 2в') на примере рассуждения князя Мышкина:

8) *Меня тоже за идиота считают почему-то; ...но какой же я идиот* (Т), *когда я сам понимаю, что меня считают за идиота* (А)? : франц. *Tout le monde me considère aussi comme un idiot. Je ne sais pas pourquoi... Mais suis-je un idiot à présent* (Т) *que je comprends moi-même qu'on me tient pour un idiot* (А)?

Здесь все опровержение – и аргумент (результат самонаблюдения), и тезис – заключено в рамках одного риторического вопроса, глубинный отрицательный смысл которого легче всего вывести на поверхность, смоделировав *modus tollens* целиком: 'Если человек идиот (р), то он не может понимать, что его считают идиотом (q). Я понимаю, что меня таковым считают (или, с изменением качества суждения: Я не из тех, кто не понимает, что...) (не q). Значит, я не идиот (не р)'. Контрапозиция: 'Я не идиот (Т = не р), раз я понимаю, ... (А = не q)'. Это логическое представление проясняет и роль союзов *когда* и *que*, которые оказываются функционально равноценными *раз* и *puisque*, обычно вводящим аргумент. Но форма риторического вопроса является, в сущности, восклицанием, которое, по нашему разумению, представляет собой некое добавочное – к основному пропозициональному содержанию – эмоционально-оценочное суждение в виде имплицитной апелляции к всеобщему здравому смыслу, находящемуся в "вопиющем" противоречии с ранее высказанными "домыслами": 'Да ведь этого же просто не может быть = невозможно! Ну, сами посудите, ведь (и далее сил-

логизм)'. Наше толкование содержит еще и модальные элементы, о которых мы пока скажем лишь то, что они придают особую энергию отрицанию.

Синтаксическая модель (русская и французская структуры практически идентичны): 'Риторический вопрос [Т (1-я часть) – А (*когда / que* – 2-я часть)]'.

Примером типа 2в" послужит отрывок из романа Камю "Чума", в котором отрицается правильность диагноза, поставленного больному.

9) – А, *bon, dit Gottard, ce n'était pas la peste. On l'assura qu'il s'agissait bien de cette maladie. – Ce n'est pas possible, puisque il a guéri!* (А) *Vous savez aussi bien que moi que la peste ne pardonne pas* (Camus): русск. – *Значит, у него не чума была, объявил Готтар. Его поспешили заверить, что это была как раз чума. – Да какая там чума (Т), раз он выздоровел!* (А). *Вы не хуже меня знаете, что чума пощады не дает.*

Здесь также имеет место выведение отрицательной причины (не чума) на основании факта отсутствия обязательного в таких случаях следствия (Он не умер = выздоровел). Но, в отличие от ранее рассмотренных примеров, этот текст включает вполне эксплицитное "воззвание" к коллективному разуму, точнее, к профессиональной компетенции присутствующих на консилиуме врачей: *Вы не хуже меня знаете, что* (ср. 'Ну сами посудите') ... и топос: *Чума пощады не дает*. Далее, что особенно важно, поверхностная структура оригинала содержит и модальный элемент: отрицательная пропозиция-тезис (у него не чума) представлена не буквально, а посредством модальной перифразы *ce n'est pas possible*, где местоимение *ce* конденсирует в себе все пропозициональное содержание отрицательного тезиса, который в развернутом виде и в буквальном переводе выглядел бы так: 'Этого (= того, что у него чума) не может быть'. Но если в предыдущем тексте мы вывели модальный смысл невозможности из риторического вопроса, то здесь, наоборот, переводчик "запрягал" его в недрах риторического вопроса и тем самым подтвердил, как и последующие две взаимоконвертируемые синтаксические модели, уместность нашего эксперимента.

Синтаксические модели: 'Т (*ce n'est pas possible* – 1-я часть) – А (*puisque* – 2-я часть)'. И 'Риторический вопрос [Т (1-я часть) – А (*раз* – 2-я часть)]'.

Теперь естественно будет поставить вопрос о том, в чем состоит роль модального элемента со значением невозможности в составе тезиса-пропозиции? Выше мы сказали, что он способствует выражению особо энергичного и даже "эмоционального" отрицания (ср. квалификации типа *абсурд* или *небылица* в [Арутюнова 1999: 662]), но это его далеко не единственная функция. Установлено, что глагол *pouvoir* в отрицательной форме и эквивалентный ему оборот *il est impossible* может быть приравнен к эпистемическому оператору *il est exclu*, который естественным образом содержит в себе отрицание *il est faux que* [Paret 1976: 57], т.е. характеризует суждение прежде всего с логической точки зрения. И это вполне понятно, ибо логика как раз и призвана за всяким суждением две полярные эпистемические (= истиннозначные) характеристики: это достоверность (да – истина или нет – ложь) и проблематичность (ни да, ни нет); стало быть, глагол *мочь* в отрицательной форме выражает логическую невозможность, что вполне соответствует сугубо демонстративному характеру *modus tollens*, "выдающего" только достоверное заключение. Но тогда как объяснить значение глагола *pouvoir*, по воле переводчика появившегося в заключительной реплике опровержения-подтверждения (пример 4), ведь глубинный смысл последнего компонента мы определили как положительный? Дело в том, что и тут этот глагол выступает в значении того же эпистемического оператора, только в сфере его действия оказывается не утвердительная, а отрицательная пропозиция: 'Il est exclu (il est impossible / il est faux) que по р = Исключено (не может быть / ложно), что не р'. Ср. 'Не может быть, что вы не веруете в Бога = Ложно, что вы не веруете...'

Что касается соотношения логической и эмоциональной характеристик опровергающего суждения, будь то отрицание или утверждение, то они, по большей части, слиты воедино или, по крайней мере, в большей или меньшей степени предполагают одна другую, ибо обе служат изъявлению – спокойному или "бурному" – того переживания момента истины (или лжи), что называется уверенностью. Поэтому в переводе и бы-

вает порой позволительно слегка превысить эмфатический “градус”, употребив те формы, которых нет в оригинале. Так, вместо нейтрального отрицания “вдруг” возникает риторический вопрос, заключающий в себе порой целый комплекс эмоционально-оценочных моментов, или “всплывает” глагол *мочь*, а бывает, что и оба употребляются одновременно.

И, чтобы покончить с проблемой модальных элементов, функционирующих в составе тезиса и аргумента, приведем следующую параллель: если для утвердительной формы глагола *мочь* естественно выделить значение эпистемической возможности (=проблематичности), противопоставляемое онтологической возможности (= потенциальности) [Булыгина, Шмелев 1997: 210], то у этого же глагола в отрицательной форме тоже можно вывить два значения: эпистемической невозможности (= исключенности) для тезиса и онтологической невозможности (= наличия непреодолимого препятствия для реализации действия, как это понимается, например, в [Boissel 1989: 62]) в составе аргумента. Все это можно выразить и гораздо проще: в аргументе, где речь идет о невозможности бытия или делания, реализуется онтологическое значение модального элемента, а в тезисе, где выражается невозможность утверждения (полагания, мнения) – эпистемическое значение. Этими соображениями мы уже, собственно, начали подведение итогов проведенного исследования, каковое и будет продолжено в заключительной части.

Заключение

1) Анализ русских и французских примеров показал, что они действительно имеют единую концептуальную основу, в качестве которой выступает “каузальное умозаключение” – “психо-логический” механизм переработки информации, разворачивающийся от воспринимаемого следствия к выводной причине. Этот механизм обеспечивает две разные процедуры опровержения, которые выходят на уровень текста в виде контрапозиции (опровержение–отрицание) и конверсии (опровержение–утверждение). Функциональная модель опровержения (и утверждения, и отрицания) может быть представлена как в динамическом (с помощью “машинной метафоры”), так и в статическом, т.е. чисто структурном аспектах.

2) “Машинная схема” для **опровержения–отрицания** представляется следующей: “Да”-реплика одного коммуниканта (“на входе”) – “Нет”-реплика его собеседника (“на выходе”), причем возможны как диалогическая, так и монологическая (говорящий выступает своим собственным оппонентом) формы реализации. Информация “на входе” дает “установку” на поиск непременно отрицательного аргумента, в качестве которого выступает информация о фрагменте действительности (факт), но уже прошедшая первичную обработку сознанием. Последняя осуществляется в виде двух неравноценных по значимости операций – отрицания и модализации. Операция отрицания (исключая, конечно, случай получения от собеседника уже готовой отрицательной информации в виде высказывания, “пойманного на лету”) является **облигаторной**, ибо без нее невозможен переход – через положительный топос – к отрицательному заключению. Как правило, глубинное отрицание выходит на поверхность в виде соответствующих показателей (предикативного, морфологического и лексического способов выражения), но даже оставаясь невыраженным, оно непременно присутствует, благодаря чему и оказывается возможным моделирование корректной контрапозиции. Операция модализации является **факультативной**, так как с ней или без нее – указанный переход все равно состоится. Неудивительно, что модальные слова, выступающие в качестве факторов-модификаторов по отношению к основному предикату, представляют собой “плавающие” элементы, и переводчик поэтому может позволить себе – без всякого ущерба для смысла оригинала – переводить их или не переводить, а иногда даже добавлять глаголы *мочь* и *pouvoir*, например, там, где оригинал этого не требует. Однако, при всей своей факультативности, модальный элемент в составе пропозиции (значение эпистемической невозможности) все-таки играет более “весомую” роль.

мую” роль, чем его “коллега” в рамках аргумента (значение онтологической невозможности), ибо в “подоператорном” пространстве здесь оказывается конечный продукт умозаключения, который претерпевает таким образом логическую и эмоциональную интенсификацию (подчеркивание ложности чужого мнения и, тем самым, собственной правоты). Когда же рефлектирующий субъект окончательно подпадает под власть, образно выражаясь, “интеллектуальных аффектов”, он может использовать риторический вопрос, отрицательный смысл которого скрывается за внешне положительной формой (отсутствие показателей отрицания). Не исключено (хотя опять же отнюдь не обязательно) и комбинированное употребление модального модификатора и риторического вопроса, в целях наиболее полного самовыражения и достижения эффекта максимальной убедительности.

3) **Опровержение-утверждение** имеет “на входе” “Нет”-реплику одного собеседника, а на “выходе” – “Si”-реплику оппонента (= “Да нет, и все-таки да”). Отрицательная реплика “толкает” оппонента искать аргумент, заключающий в себе однозначно положительную информацию; он как будто “знает” (хотя вряд ли отдает себе в этом отчет), что положительное по качеству заключение иначе не получится. Дедуцированная позитивная информация (“на выходе”) содержательно повторяет иницирующую реплику (“на входе”), но уже меняя “минус” на “плюс”; так появляется частица *si*, у которой в русском языке нет эквивалента. Облигаторная положительность аргумента и тезиса выражается и в том, что, даже если поверхностная структура компонентов содержит какие-то показатели отрицания, они так или иначе нейтрализуют друг друга. Использование модальных элементов и риторических вопросов также носит факультативный характер, но присутствие показателей отрицания в рамках риторического вопроса является облигаторным – иначе не получится утверждение (ср. с опровержением-отрицанием, где риторический вопрос “обязан” быть формально положительным).

4) При переходе от описания динамики мыслительного процесса к “плоскостному” его изображению на первый план выходит презентация синтаксических моделей в соответствии с диспозицией А и Т, или коммуникативной программой. Итоговые результаты синтаксического моделирования в рамках каждой из программ собраны в следующей сводке, учитывающей обе переводческие параллели: русско-французская (РФ) и французско-русская (ФР). **Первая коммуникативная программа: Если А, то Т. Опровержение-отрицание (контрапозиция).** 1) (РФ) *коль ... так = puisque ... c'est que*. 2) (ФР) *puisque ... c'est que = (-) – значит (= donc)*. 3) (РФ) а) *если уж ... то = le fait que ... prouve que*; б) *если ... то, стало быть = si ... c'est que*; в) *если уж ... так ведь = le fait même ... suffirait à prouver que ...* Наш перевод: *тот факт, что ... доказывает, что ...* Трансформация: (-) – значит / *donc*. **Опровержение-утверждение (конверсия).** 4) (РФ) *если ... то = si ... alors*. 5) (ФР) вопрос (непредикативное образование) + повествовательное предложение = вопрос (непредикативное образование) + риторический вопрос. Трансформация: (-) ... значит / *donc*. **Вторая коммуникативная программа: Т, так как / поскольку А. Опровержение-отрицание (в основном).** 6) (РФ) *стало быть ... если = а) si* (утверждение – перемена программы) ... *c'est que*; б) (-) (опровержение) = *puisque*. 7) (ФР) (-) ... *puisque / du moment que =* (наш перевод) (-) ... *коли / когда / раз*. 8) (РФ) Риторический вопрос [(-) ... *когда*] = Риторический вопрос [(-) ... *que*]. 9) (ФР) *Ce n'est pas possible ... puisque =* Риторический вопрос [(-) ... *раз*].

4) Опровержение, осуществляемое в рамках **первой коммуникативной программы (А–Т)**, имеет в коммуникативном фокусе заключение-тезис (отрицание или утверждение), т.е. то, ради чего оно, собственно, и предпринималось. В качестве исходных структур выступают выделенные из “живого” языка формы преобразованной импликации – контрапозиция и конверсия. Ядерная структура контрапозиции претерпевает модификации, первичную систему которых мы показали на простейших образцах [1а) – в)], а затем расширили за счет анализа более сложных литературных примеров. Выведенные синтаксические модели могут рассматриваться как трансформы по отношению к ядерной схеме. Эти трансформы образуются посредством варьирования союзных элементов внутри рамки, расширения объема рамочной конструкции за счет включения в

нее дополнительных частиц и союзных слов, замены союзной рамки лексическим “биномом”, эксплицирующим характер совершаемого логического действия (*доказывать*), а также редукции союзной пары до одного элемента – союза *значит*. **Конверсия** может реализоваться как в “стандартной” союзной рамке, так и в бессоюзных образованиях, включающих единицы разной коммуникативной природы и структурной завершенности. Однако все это разнообразие структур – как для конверсии, так и для контрапозиции – принципиально сводимо к 1б), что подтверждается, прежде всего, “естественным” синтаксическим экспериментом переводчика [ср. (ФР) 2)]. Это позволяет нам считать 1б) своего рода “супертрансформом” для всей деривационной системы, а возможность постановки дедуктивного коннектора, присутствующего, очень часто, лишь на уровне “неизреченной мысли”, – своего рода тестом, диагностирующим не только заключение о причине (пропозицию), но и саму коммуникативную программу.

5) Тестовым словом для **второй коммуникативной программы (Т-А)**, которая делает акцент на аргументе, является какой-нибудь причинный или, лучше будет сказать, “причинно-аргументативный” союз (см. ссылки на это определение и возражения против трактовки союза *раз* как причинного в [Иорданская 1988]), недаром же в русских риториках аргумент назывался “риторической причиной”. Соответственно, “супертрансформом” будет модель 2б) [ср. также (ФР) 7)]; это ясно, как представляется, и без специальных преобразований. Синтаксическая деривация здесь также создается за счет модификаций внутри союзной рамки, а также, и в гораздо большей степени, чем в предыдущем случае, посредством варьирования коммуникативной природы компонентов – использованием риторического вопроса. Последний, к тому же, “привлекает” не только “стандартные” связующие элементы, но и временные союзы и даже, что уж совсем непривычно, союз *где*, можно сказать, что эти лексемы, оказываясь функционально эквивалентными причинно-аргументативным союзам, “подключаются” к сфере так называемых “риторических” союзов, куда входит довольно большое количество связующих средств разного – но в основном, причинного и следственного, реже условного – значения (подробности см. в [Jordanskaja 1993]). Именно эта чисто функциональная характеристика союзных элементов нам представляется наиболее адекватной природе описываемого объекта.

б) В качестве последнего замечания, скажем, что заявленный в названии статьи “контрастивный” анализ оказался не столько противопоставляющим средства обоих сравниваемых языков, сколько объединяющим их в единую картину, своего рода межъязыковую “гиперпарадигму”, ибо перевод (особенно с русского) способствовал не только более полному и разнообразному выражению авторской мысли, но порой и ее прояснению, о чем свидетельствуют, в частности, то, что мы назвали “совместными” русско-французскими и франко-русскими текстами. Вопрос же о преимущественном употреблении тех или иных средств в обоих языках может решаться только на базе статистических данных, которые мы пока не приводим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова 1988 – Н.Д. Арутюнова. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Арутюнова 1999 – Н.Д. Арутюнова. Язык и мир человека. 2-е изд. исп. М., 1999.
- Бульгина, Шмелев 1997 – Т.В. Бульгина, А.Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русского языка). М., 1997.
- Гловинская 1993 – М.Я. Гловинская. Русские речевые акты со значением ментального воздействия // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.
- Иорданская 1988 – Л.Н. Иорданская. Семантика русского союза РАЗ (в сравнении с некоторыми другими русскими союзами) // R.Ling. 1988. V. 1–2 № 3
- Каузальность 1993 – Каузальность и структуры рассуждений в русском языке // Межвузовский сб. науч. трудов. РГГУ. М. 1993

- Кривоносов 1996 – *А.Т. Кривоносов*. Язык, логика, мышление. Умозаключение в естественном языке. М.; Нью Йорк, 1996.
- Ляпон 1986 – *М.В. Ляпон*. Смысловая структура сложного предложения и текста. К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986.
- Рутковский 1888 – *Л. Рутковский*. Основные типы умозаключений. СПб., 1888
- Теория 1990 – Теория функциональной грамматики. Темпоральность и модальность. Л., 1990
- Урысон 2001 – *Е.В. Урысон*. Союз ЕСЛИ и семантические примитивы // ВЯ 2001 № 4.
- Шатуновский 1996 – *И.Б. Шатуновский*. Семантика предложения и нерелевантные слова. М., 1996
- Шенк 1980 – *Р. Шенк*. Обработка концептуальной информации. М., 1980
- Brunot 1965 – *F. Brunot*. La pensée et la langue. 3-ème éd. Paris, 1965
- Boissel 1989 – *P. Boissel et al.* Paramètres énonciatifs et interprétatifs de POUVOIR // Langue française. № 84 1989.
- Hanse 1973 – Hanse. Car, comme, parce que, puisque // Bulletin de l'Académie Royale de langue et de littérature Bruxelles, 1973. T. 1. № 1–4
- Jordanskaja 1993 – *L. Jordanskaja*. Pour une description lexicographique des conjonctions en français moderne // Le français moderne 1993. № 2.
- Laurian 1966 – *A. Laurian*. L'ordre des propositions dans la phrase contemporaine: la cause. Paris, 1966.
- Parret 1976 – *H. Parret*. La pragmatique des modalités // Langages № 43. 1976.
- Robert 1986 – Grand Robert de la langue de la langue française. Paris, 1986.
- Sandfeld 1936 – *K. Sandfeld*. Syntaxe du français contemporain. T. VII. Paris, 1936.